

Чародеи

Автор:

Аркадий и Борис Стругацкие

Чародеи

Аркадий и Борис Стругацкие

Киносценарии

Первый вариант сценария, наиболее близкий к повести «Понедельник начинается в субботу».

Аркадий и Борис Стругацкие

Чародеи

По улице небольшого северного городка катит запыленный «икарус». По сторонам улицы тянутся сначала старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших бревен, с резными наличниками на окнах, с деревянными петушками на крышах. Потом появляются новостройки – трехэтажные шлакоблочные дома с открытыми сквериками, «икарус» разворачивается на площади и останавливается у крытого павильона. Из обеих дверей начинают выходить пассажиры – с чемоданами, с узлами, с мешками, с рюкзаками и с ружьями в чехлах. Одним из последних спускается по ступенькам, цепляясь за все вокруг двумя чемоданами, молодой человек лет двадцати пяти, современного вида: борода без усов, модная прическа-канадка, очки в мощной оправе, обтягивающие джинсы, поролоновая курточка с многочисленными «молниями».

Поставив чемоданы на землю, он в некоторой растерянности озирается, но к нему сразу же подходит встречающий – тоже молодой человек, может быть,

чуть постарше, атлетического сложения, смуглый, горбоносый, в очень обыкновенном летнем костюме при галстуке. Следуют рукопожатия, взаимные представления, деликатная борьба за право нести оба или хотя бы один чемодан.

Уже вечер. От низкого солнца тянутся по земле длинные тени. Молодые люди, оживленно беседуя, сворачивают с площади на неширокую, старинного облика улочку, где номера домов основательно проржавели, висят на воротах, мостовая заросла травой, а справа и слева тянутся могучие заборы, поставленные, наверное, еще в те времена, когда в этих местах шастали шведские и норвежские пираты. Называется эта улочка неожиданно изящно: «ул. Лукоморье».

– Вы уж простите, что так получилось, Саша, – говорит молодой человек в летнем костюме. – Но вам только эту ночь и придется здесь провести. А завтра прямо с утра...

– Да ничего, не страшно, – с некоторым унынием откликается приезжий Саша. – Перебьюсь как-нибудь. Клопов там нет?

– Что вы! Это же музей!..

Они останавливаются перед совсем уже феноменальными, как в паровозном депо, воротами на ржавых пудовых петлях. Пока молодой человек в летнем костюме возится с запором низенькой калитки, Саша читает вывески на воротах. На левой воротине строго блестит толстым стеклом солидная синяя вывеска: «НИИЧАВО АН СССР. ИЗБА НА КУРИНЫХ НОГАХ. ПАМЯТНИК СОЛОВЕЦКОЙ СТАРИНЫ». На правой воротине висит ржавая жестяная табличка «ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», а под нею красуется кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось: «КОТ НЕ РАБОТАЕТ. Администрация».

– Это что у вас тут за КОТ? – спрашивает Саша. – Комитет оборонной техники?

Молодой человек в костюме смеется.

– Сами увидите, – говорит он. – У нас тут интересно. Прошу.

Они протискиваются в низенькую калитку и оказываются на обширном дворе, в глубине которого стоит дом из толстых бревен, а перед домом – приземистый необъятный дуб с густой кроной, совершенно заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, идет дорожка, выложенная каменными плитами, справа от дорожки огород, а слева, посередине лужайки, черный от древности и покрытый мхом колодезный сруб. На краю сруба восседает боком, свесив одну лапу и хвост, гигантский черно-серый разводами кот.

– Здравствуйте, Василий, – вежливо произносит, обращаясь к нему, молодой человек в костюме. – Это Василий, Саша. Будьте знакомы.

Саша неловко кланяется коту. Кот вежливо-холодно разевает зубастую пасть, издает неопределенный сиплый звук, а потом отворачивается и смотрит в сторону дома.

– А вот и хозяйка, – продолжает молодой человек в костюме. – По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна?

Хозяйке, наверное, за сто. Она неторопливо идет по дорожке к молодым людям, опираясь на суковатую клюку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у нее темное, из сплошной массы морщин выдается вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза бледные и тусклые, словно бы закрытые бельмами.

– Здорова, здорова, внучек, Эдик Почкин, что мне сделается? – произносит она неожиданно звучным басом. – Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать.

Саша снова кланяется. Вид у него ошарашенный: старуха слишком уж колоритна. Голова ее поверх черного пухового платка повязана веселенькой косынкой с изображениями Атомиума и с разноязыкими надписями «Брюссель». На подбородке и под носом торчит редкая седая щетина.

– Позвольте вам, Наина Киевна, представить... – начинает Эдик, но старуха тут же прерывает его.

– А не надо представлять, – басит она, пристально разглядывая Сашу. – Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот сорок шестой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а

будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, брильянтовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

- Гм! - громко произносит Эдик, и бабка сразу замолкает.

Воцаряется неловкое молчание, и вдруг кто-то негромко, но явственно хихикает. Саша оглядывается. Кот по-прежнему восседает на срубе и равнодушно смотрит в сторону.

- Можно звать просто Сашей, - выдавливает из себя новый программист.

- И где же я его положу? - осведомляется старуха.

- В запаснике, конечно, - говорит Эдик. - Пойдемте, Саша...

Они идут по дорожке к дому, старуха семенит рядом.

- А отвечать кто будет, ежели что? - вопрошает она.

- Ну ведь обо всем же договорились, - терпеливо поясняет Эдик. - Вам же звонили. Вам директор звонил?

- Звонить-то звонил, - бубнит бабка. - А ежели он что-нибудь стибрит?

- Наина Киевна! - с раскатами провинциального трагика восклицает Эдик и поспешно подталкивает Сашу на крыльцо. - Вы проходите, Саша, проходите, устраивайтесь...

Саша машинально вступает в прихожую. Света здесь мало, виден только белый телефон на стене и какая-то дверь. Саша толкает эту дверь, видит ручку на цепочке и отшатывается, машинально сказавши: «Виноват». За спиной у него Эдик напряженным шепотом втолковывает старухе:

- Это наш новый заведующий вычислительным центром! Ученый!

- Ученый... - брюзжит бабка. - Я тоже ученая! Всяких ученых видала...

- Наина Киевна!.. Саша, не туда, сюда, пожалуйста, направо...

Они входят в запасник. Это большая комната с одним окном, завешанным ситцевой занавесочкой. У окна - массивный стол и две дубовые скамьи, на бревенчатой стене - вешалка с какой-то рухлядью, ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки; в углу большое мутное зеркало в облезлой раме, а у стены справа - очень современный низкий диван, совершенно новенький.

- О, смотрите-ка! - восклицает Эдик. - Диван поставили! Это хорошо...

Он с размаху садится на диван, несколько раз подпрыгивает, и вдруг выражение удовольствия на его лице сменяется удивлением, а удивление - тревогой.

- Как это так? - бормочет он. - Позвольте...

Он ощупывает ладонями обивку, вскакивает, становится на колено, запускает руку под диван и что-то там с натугой поворачивает. Раздается странный звук, словно затормозили пленку в магнитофоне. Эдик неторопливо поднимается, отряхивая руки. На лице у него озабоченность. И тут в комнату заваливается старуха со стопкой постельного белья.

- А ежели он тут у меня, скажем, молиться зачнет? - воинственно вопрошает она прямо с порога.

- Да нет, не начнет, - рассеянно говорит Эдик. - Он же неверующий. Слушайте, Наина Киевна, откуда здесь это? - Он показывает на диван. - Давно привезли?

- Опять же вот диван! - сейчас же подхватывает старуха. - Как завалится он на этот диван...

- Это не диван, - говорит Эдик. - Между прочим, Саша, вы действительно воздержитесь от этого дивана... Позвольте, - говорит он, озираясь. - Здесь же была раскладушка...

Ночь. В окно сквозь ветви дуба глядит огромная сплюснутая луна. Вдали лают собаки, из-за стены доносится молодецкий храп. Затем где-то в доме бьют часы – полночь.

Саша, укрывшись простыней, лежит на раскладушке, листает толстую книгу, зевает. На полу – раскрытый чемодан, в нем книги вперемешку с носками и галстуками. Когда часы начинают бить, Саша поднимает голову и считает удары, потом сует книгу под раскладушку, приподнимается и тянет руку к выключателю. Раскладушка угрожающе трещит. Саша гасит свет, энергично поворачивается на другой бок, и в то же мгновение раскладушка с лязгом разваливается.

Тишина. Потом храп за стеной возобновляется, Саша, чертыхаясь вполголоса, выбирается из простыни и пытается поднять раскладушку. В руках у него разрозненные детали. И снова, как давеча, слышится явственное хихиканье. Саша резко оборачивается и успевает заметить на фоне окна огромную кошачью голову – наставленные уши, торчащие усы и блеснувшие глаза. И снова в окне только луна да ветви дуба.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – произносит Саша через левое плечо.

Он подбирает с пола тощий матрас, подушку, простыни и в нерешительности оглядывает комнату.

Диван.

Несколько секунд Саша еще медлит, а затем твердыми шагами направляется к дивану. Расстилат постель, несколько раз с силой нажимает на диван, словно пробуя его на прочность, и укладывается. Глаза его закрываются, на физиономии появляется блаженная улыбка. И в то же мгновение вновь возникает звук заторможенной магнитофонной пленки, переходящий в обстоятельное откашливание.

– Ну-с, так... – произносит хорошо поставленный мужской голос. – В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь по имени... мнэ-э-э... Ну, в конце концов, неважно. Скажем, мнэ-э-э... Полуэкт...

Саша некоторое время слушает с открытыми глазами, потом осторожно встает, пригнувшись, подкрадывается к окну и выглядывает. Спиной к дубу, ярко освещенный луной, стоит на задних лапах кот Василий. В зубах у него зажат цветок кувшинки.

– Мнэ-э-э... – тянет он, задумчиво подняв глаза к небу. – У него было три сына-царевича. Первый... мнэ... Третий был дурак, а вот первый?

Кот трясет головой, потом закладывает передние лапы за спину и, слегка сугулясь, плавным шагом направляется прочь от дуба.

– Хорошо, – цедит он сквозь зубы. – Бывали-живали царь да царица... У царя, у царицы был один сын... Мнэ-э... Дурак, естественно...

Кот с досадой выплевывает цветок и, топорща усы, потирает лоб когтистой лапой.

– Пр-роклый склероз, – говорит он. – Но ведь кое-что помню! «Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь – на обед, молодец – на ужин...» А дальше? – Кот делает фехтовальные движения. – Три головы долой, Иван вынимает три сердца и... и... – Плечи его поникают. Он глубоко вздыхает и поворачивает обратно к дубу. В лапах у него вдруг оказываются массивные гусли.

– Кря-кря, мои деточки, – поет он, пощипывая струны. – Кря-кря, голубяточки! Я... мнэ-э-э... Я слезой вас отпаивала... Вернее, выпаивала... – Некоторое время он марширует молча, стуча по струнам, потом немзыкально кричит: – Сладок кус недоедала! – Прислоняет гусли к дубу и чешет задней лапой за ухом. – Труд, труд и труд! – провозглашает он. – Только труд! – Он снова закладывает лапы за спину и идет в сторону от дуба, бормоча: – Дошло до меня, о великий царь, что в славном городе Багдаде жил-был портной по имени... – Тут он встает на четвереньки, выгибает спину и злобно шипит, стуча лапой по лбу. – Вот с этими именами у меня особенно отвратительно! Абу... Али... н-ну, хорошо, скажем, Полуэкт...

Голос его прерывается протяжным пронзительным скрипом и отдаленным рокочущим «Ко-о, ко-о, ко-о...». Изба вдруг начинает раскачиваться, как лодка на волнах, двор за окном сдвигается в сторону, а из-под окна вылезает и вонзается когтями в землю исполинская куриная нога – проводит в траве глубокие борозды

и снова скрывается. «Ко-о, ко-о, ко-о» переходит в звук тормозящейся магнитофонной пленки и затем в пронзительный телефонный звонок.

Саша сидит на полу рядом с диваном, запутавшись в простыне, и очумело вертит головой. Телефон в прихожей звенит непрерывно.

Саша наконец вскакивает, выбегает в прихожую и хватается трубку.

- Алло! - хриплым со сна голосом говорит он.

- Такси вызывали? - гнусаво осведомляется трубка.

- Какое такси?

- Это два-семнадцать-шестнадцать?

- Н-не знаю...

- Такси вызывали?

- Нет... Не знаю... Откуда мне знать?

В телефоне гудки отбоя. Саша вешает трубку, некоторое время с сомнением смотрит на телефон, потом возвращается в комнату и... остолбеневаает на пороге.

Диван исчез.

На полу, там, где стоял диван, валяется постель. И больше ничего.

Саша оторопело смотрит, потом осторожно подходит, нагибается и ощупывает и похлопывает ладонью то место, где стоял диван.

- По-моему, я на нем спал, - говорит он вслух. - Даже приснилось что-то...

Он подходит к окну, раздвигает занавески и выглядывает. Двор залит лунным светом и пуст. Тишина, храп за стеной, в отдалении лают собаки. Саша стоит у окна, растерянно теребя бороду.

Резкий стук в наружную дверь заставляет его обернуться. Он снова выходит в прихожую, осторожно отодвигает засов.

На крыльце перед ним стоит невысокий изящный человек в светлом коротком плаще и в огромном черном берете. Узкое длинное лицо, усы стрелками, выпуклые пристальные глаза.

– Прошу прощения, Александр Иванович, – с достоинством произносит он, коснувшись берета двумя пальцами. – Я отниму у вас не больше двух минут.

– Да-да... прошу... – растерянно говорит Саша, пропуская незнакомца в прихожую.

Незнакомец делает движение пройти в комнату, но Саша поспешно заступает ему дорогу.

– Извините, – лепечет он. – Может быть, здесь... А то у меня там, знаете, беспорядок... даже сесть толком негде...

– Как негде? – Незнакомец резко поднимает брови. – А диван?

Некоторое время они молча смотрят друг другу в глаза.

– М-м-м... Что – диван? – шепотом спрашивает Саша.

Незнакомец все смотрит на него, то высоко задирая, то низко опуская брови.

– Ах вот как... – медленно произносит он наконец. – Понимаю. Жаль. Что ж, еще раз прошу прощения.

Он снова прикладывает два пальца к берету и решительно направляется прямо к дверям уборной.

- Куда вы? – бормочет Саша. – Вам не туда... Вам...

- Ах, это безразлично, – говорит незнакомец, не оборачиваясь, и скрывается за дверью.

Саша машинально зажигает ему свет. Стоит несколько секунд с обалделым видом, потом резко распахивает дверь. В уборной никого нет. Мерно покачивается фаянсовая ручка.

Саша, пятясь задом, возвращается в свою комнату.

- Стакана нет? – раздается за его спиной хриплый голос.

Саша оборачивается.

Верхом на скамье под зеркалом сидит какой-то тип в кепке, сдвинутой на правый глаз. Щетина. К нижней губе прилип окурок.

- Стакана, говорю, нет? – повторяет тип.

Саша молча трясет головой.

- Значит, с горла будем, – оживляется тип. – Ну, давай.

Саша подходит к нему и останавливается, выпятив челюсть.

- А собственно, кто вы такой? – спрашивает он. – Что вам здесь надо?

Тип обращает взор на то место, где раньше стоял диван.

- Чего мне здесь надо, того уже здесь нету, – произносит он с сожалением. – Опоздал, понял? Надо понимать, Витек перехватил. Так шефу и доложим. – Он снова обращает глаза на Сашу. – Этого, значит, не держишь, – говорит он, щелкая себя по шее. – И красного тоже нет? Жаль. Обидел ты меня, друг. – Он глубоко запускает руку в зеркало и, оживившись, извлекает оттуда водочную бутылку. Встряхивает ее, смотрит на свет. Бутылка пуста. – А кто это там

приходил? – спрашивает он, ставя бутылку на стол.

– Не знаю, – отвечает Саша, следя за его действиями, как зачарованный. – В берете какой-то...

Тип понимающе кивает.

– Крестобаль Хозевич, значит. – Он снова запускает руку в зеркало. – Тоже, значит, опоздал. Во Витек дает... – Он сосредоточенно шарит в «зазеркалье» и бормочет: – Всех сделал. Шефа моего сделал, Крестобалья Хозевича – и того сделал... – Лицо его вновь озаряется, и на свет появляется еще одна бутылка, опять пустая. Тип ставит ее рядом с первой и несколько секунд любуется ими. – Это же надо – сколько старуха пьет! Как ни придешь, меньше чем две пустышки не бывает... А одеколону у тебя тоже нет? – спрашивает он без всякой надежды, вытягивая из кармана авоську.

– Нет, – говорит Саша, наблюдая, как тип деловито укладывает бутылки в авоську. – А что здесь вообще происходит? Где диван? Куда это я вообще попал? На чем я теперь спать буду, черт подери?

Тип вдруг вскакивает, сдергивает с головы кепочку и прячет руку с авоськой за спину. Лицо его принимает испуганно-почтительное выражение.

– Пардон, – говорит он кому-то, глядя поверх Сашиного плеча.

Саша оглядывается. У дверей, куда смотрит тип, никого нет.

– Пардон, – повторяет тип, пятясь. – Айн минут, мерси, гуд бай.

Спина его упирается в зеркало, но он продолжает пятиться и вдруг проваливается в «зазеркалье», мелькнув в воздухе стоптанными сандалиями.

Саша медленно подходит к зеркалу, осторожно заглядывает в него. Отшатывается: своего отражения он в зеркале не видит. Видит стол, дверь, постель на полу – все что угодно, кроме себя. Он осторожно тянет руку к тусклой поверхности, упирается в твердое, и отражение сейчас же возникает. Мотнув головой, Саша изнеможенно опускается на скамью и сейчас же с криком

вскакивает, держась рукой за трусы.

На скамье лежит, покачиваясь, блестящий цилиндрик величиной с указательный палец.

Саша берет его и принимается оглядывать со всех сторон. Цилиндрик тихо потрескивает. Саша стучит по нему ногтем, и из цилиндрика вылетает сноп искр, комната наполняется невнятным шумом, слышны какие-то разговоры, музыка, смех, кашель, шарканье ног, смутная тень на мгновение заслоняет свет лампочки, громко скрипят половицы, а по столу пробегает огромная белая крыса. И все снова стихает.

Саша, закусив губу, осторожно поворачивает цилиндрик, чтобы посмотреть на него с торца, и в то же мгновение комната перед его глазами стремительно поворачивается, тьма, грохот, летят искры, и Саша вдруг оказывается сидящим в очень неудобной позе в противоположном углу комнаты под вешалкой. Вешалка, секунду помедлив, с шумом обрушивается на него.

Раскачивается лампочка на длинном шнуре, на потолке явственно темнеют следы босых ног. Саша, заваленный тряпьем, смотрит сначала на эти следы, потом на свои голые пятки. Пятки вымазаны мелом. Саша рассеянно отряхивает их, глядя на цилиндрик. Цилиндрик стоит посреди комнаты, касаясь пола краем торца, в положении, исключающем всякую возможность равновесия. Он раскачивается и тихо потрескивает.

Тогда Саша выбирается из-под тряпья, выбирает наугад какую-то ушанку и осторожно накрывает ею цилиндрик. Руки у него трясутся.

- В-вот это в-вы н-напрасно, - раздается голос.

- Что - напрасно? - раздраженно спрашивает Саша, не оборачиваясь.

- Я г-говорю про умклайдет. Вы н-напрасно накрыли его шапкой.

- А что мне еще с ним делать? - спрашивает Саша и наконец оборачивается. В комнате никого нет.

– Это ведь, к-как говорится, в-волшебная палочка, – поясняет голос. – Она т-требуется чрезвычайно осторожного об-обращения.

– Поэтому я и накрыл, – говорит Саша. – Да вы заходите, товарищ, а то так очень неудобно разговаривать.

– Б-благодарю вас.

Около дверей, как раз там, куда глядел тип в кепочке, неторопливо конденсируется из воздуха величественный человек преклонных лет в роскошном бухарском халате и комнатных туфлях. Он огромного роста, благородное чрево распирает шнур с кистями, великолепные седины, саваофова борода волной, огромные ладони привычно засунуты за шнур. Голос у него рокочущий, глубокий, он заметно заикается. Светлые глаза смотрят приветливо и благожелательно.

– Вы знаете, дружок, я, наверное, должен извиниться, – говорит он. – Я тут у вас уже полчаса торчу, надеялся – обойдется как-нибудь... Этот диван, черт его подери, так я и знал, что вокруг него начнется скандал. Халат накинул – и сюда.

– Насчет дивана вы опоздали, – с сожалением говорит Саша. – Украли его уже.

Человек в халате величественно отмахивается.

– Да он мне и ни к чему. Я, знаете ли, опасался, что они здесь все передерутся и в суматохе вас, так сказать, затопчут... Уж очень, знаете ли, страсти накалились. Вот видите, Корнеев умклайдет здесь потерял... волшебную свою палочку... а это, дружок, не шутка.

Оба одновременно поднимают глаза и смотрят на отпечатки на потолке.

– Курс управления умклайдетом занимает, знаете ли, восемь семестров, – продолжает гость, – и требует основательного знания квантовой алхимии. Вот вы, дружок, программист, умклайдет электронного уровня вы бы освоили без особого труда, но квантовый умклайдет... гиперполя... трансгрессивные воплощения... обобщенный закон Ломоносова—Лавуазье... – Он сочувственно разводит руки.

– Да о чем речь! – восклицает Саша. – Я и не претендую! – Он спохватывается. – Может, вы присядете?

– Благодарю вас, мне так удобнее... Но вся эта премудрость в ваших руках. Поработаете у нас годик-другой... – Он прерывает самого себя. – Вы знаете, Александр Иванович, я бы все-таки просил вашего разрешения убрать эту шапку. Мех, знаете ли, практически непрозрачен для гиперполя...

Саша поднимает руку.

– Ради бога! Все, что вам угодно. Убирайте шапку, убирайте даже этот самый... кум... ум... эту самую волшебную палочку! – Он останавливается.

Шапки нет. Цилиндрик стоит в луже жидкости, похожей на ртуть. Жидкость быстро испаряется.

– Так будет лучше, уверяю вас, – объявляет незнакомец в халате. – А то, знаете ли, могло так бабахнуть... А вот забрать умклайдет я не могу. Не мой. Условности, черт бы их подрал. И вы его лучше больше не трогайте. Бог с ним, пусть так стоит.

Саша в полной готовности отчаянно машет руками.

– Да, я ведь еще не представился, – продолжает незнакомец. – Киврин Федор Симеонович. Заведую у нас отделом Линейного счастья.

Саша застывает в почтительном изумлении.

– Федор Симеонович? – бормочет он в восхищении и растерянности. – Ну еще бы!.. Я вот только позавчера вашу статью... В «Успехах физических наук»... Ну, знаете, эту... о квантовых основах психологии...

– Знаю, знаю, – благодушно говорит Федор Симеонович. – И как вам эта статейка?

Саша не в силах говорить и всем своим видом демонстрирует крайнюю степень почтительного восторга.

– Да... гм... Пожалуй, – басит Федор Симеонович не без некоторого самодовольства. – Недурственная получилась работка. У нас, знаете ли, в институте, Александр Иванович, очень неплохо можно работать. Отличный коллектив подобрался, должен вам сказать. За немногими исключениями. Вот, скажем, даже Хома Брут... вот этот, в кепочке, с бутылками... Ведь на самом деле механик, золотые руки, потомственный добрый колдун... Правда, привержен... – Федор Симеонович щелкает себя по бороде. – Дурное влияние, черт бы его побрал... Ну, это вы все узнаете. Мы вас тут с распростертыми объятьями... А то ведь чепуха получается. Машину поставили наисовременнейшую, «Алдан-12», а наладить никак не можем, кадров нет. В институте у нас в основном уклон, знаете ли, гуманитарно-физический. Чародейство и волшебство главным образом, а новые методы требуют математики! Я вот все линейным счастьем занимаюсь, а с вашей машиной, глядишь, и за нелинейное возьмемся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/strugackie_arkadiy-i-boris/charodei

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)